

КОССЕК Н. В.

К ВОПРОСУ О ТЕКСТОЛОГИИ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИХ ПЕРЕВОДОВ

Исследование проблем славянского перевода евангельских текстов имеет в славистике долгую и плодотворную историю, однако, как показано в сравнительно недавних работах О. Неделькович [1], Р. М. Цейтлин [2], Е. М. Верещагина [3], Л. П. Жуковской [4], А. А. Алексеева [5], в изучении языка и текстологии славянского перевода Евангелия еще немало лакун.

В результате кропотливой и грандиозной работы славистов установлено четыре типа редакции славянского Евангелия [6—7], что значительно упорядочило дальнейшие текстологические исследования, однако не приблизило решения главной задачи — определения характерных черт кирилло-мефодиевского архетипа.

Представления о древнейшей основе текста традиционно связывали с наиболее ранними из дошедших до нас памятников. Однако, как отмечает А. А. Алексеев со ссылкой на А. В. Горского и К. И. Невоструева и в согласии с текстологической концепцией Э. Колвелла [8], в истории славянского евангельского текста мы сталкиваемся с движением текста от меньшей стабильности к большей, и именно это является естественным историческим развитием извода: «лучшие, типичные представители извода образуются через несколько поколений рукописной традиции, а это значит, что самые ранние представители его, так же, как и поздние, отстоят от центра дальше, чем рукописи, находящиеся в хронологической середине традиции» [8, с. 87]. Думается, что для выявления характерных черт архетипа следует обратить особенно пристальное внимание именно на эти типичные изводы, т. е. на евангельские тексты XI—XIII вв., которые дошли до нас в значительном числе списков. Важнейшей задачей при их исследовании является выделение среди массы списков извода отдельных групп текстов, более тесно связанных между собой. Выделение таких групп, на которые естественно распадаются рассматриваемые памятники, даст возможность изучать каждый отдельный текст как элемент текстологической группы [9, с. 20—21].

Известно, что одной из фундаментальных трудностей изучения текстологии славянского Евангелия является отсутствие устойчивых текстологических примет, что характерно для всех памятников с контролируемой текстологической традицией [8, с. 86]. В этой ситуации трудно переоценить значение статистико-текстологического метода, предложенного Э. Колвеллом [9, с. 56—62] и оригинально примененного А. А. Алексеевым к изучению списков славянского перевода «Песни песней» [8, с. 88—90].

Нами сделана попытка применить метод Колвелла для исследования текстологии и языка среднеболгарских евангелий XII—XIV вв.: Врачанского, евангелия Кохно, Добромирова, Добрейшева, Тырновского, Ивана Александра, Шафарикова, Одесского 1/98. Для решения текстологических

задач в целях сопоставления мы привлекли к рассмотрению ранние старославянские памятники: Марииинское, Зографское, Ассеманиево евангелия, Саввину книгу, Остромирово евангелие (русский список 1056—1057 гг.); русский полный апракос Мстиславова евангелие; русские церковнославянские тексты: Одесское четвероевангелие 1/88 и Острожскую библию, а также два сербских текста: Никольское и Вуканово евангелия¹. В тексте Банишского евангелия отсутствуют стихи Иоанн 11. 1—24, поэтому мы не могли привлечь к анализу этот интересный среднеболгарский памятник.

Такой отбор материала позволил охватить евангельские тексты основных типов (тетр, краткий и полный апракосы), включив в рассмотрение как важнейшие кодексы старославянского языка, так и памятники русского и сербского изводов.

По методу Колвелла [9, с. 56—62] мы подсчитали число общих чтений для каждой пары текстов на материале 100 узлов разночтений², полученных из чтения на Лазареву субботу (Иоанн 11.1—45). Отрывок И 11.1—45 выбран нами потому, что он сохранился в текстах абсолютного большинства исследуемых евангелий (за исключением Банишского). Отдавая себе отчет в том, что рассмотрение столь ограниченного отрывка в 45 стихов не может быть исчерпывающим для полного текстологического анализа евангельских текстов, мы, однако, считаем, что приведенные нами разночтения, полученные на материале исследуемых памятников, достаточны для достоверных текстологических выводов (см. [8, с. 89]).

На материале отобранных нами 18 памятников выделилось 100 узлов разночтений. Если, например, между двумя евангелиями — Кох и Ник — зафиксировано 22 случая текстологических расхождений (Кох И 11.2: *муромъ*, Ник: *мастию*; Кох И 11.25: *рече же еи ѿсъ*, Ник: *рече же ѿъ* и др. под.), то это значит, что между текстами Кох и Ник 78% близости. Подобным образом определялось процентное соотношение текстологической близости между каждой парой исследуемых памятников (цифровые данные представлены в таблице).

Интерпретация полученных статистических данных сводится к следующему.

1. Невысокие в общем числовые показатели количества общих чтений являются признаком сводных (смешанных) редакций большинства рассматриваемых евангельских текстов.

2. Большую текстологическую близость среди исследуемых памятников обнаруживают древнейшие кодексы старославянского языка: Мар, Зогр и Остр, несмотря на естественные различия между ними, связанные с особенностями языка апракоса-тетра [10].

3. Марииинское евангелие стоит в текстологическом отношении довольно изолированно. Кроме отмеченной выше связи с Зогр и Остр кодексами, к нему примыкает древнейший апракос Сав и Ник — сербский тетр XIV в., известный архаичностью своего языка.

¹ В данной статье приняты следующие сокращения: Ас — Ассеманиево евангелие; Врач — Врачанское евангелие; Вук — Вуканово евангелие; Дбрм — Добромирово евангелие; Дбш — Добрейшево евангелие; Зогр — Зографское евангелие; Кох — евангелие Кохио; ИА — евангелие Ивана Александра; Мст — Мстиславова евангелие; Ник — Никольское евангелие; 1/98 — Одесское четвероевангелие болг. ред.; 1/88 — Одесское четвероевангелие русск. ред.; О. б. — Острожская библия; Остр — Остромирово евангелие; Сав — Саввина книга; Три — Тырновское евангелие; Шф — Шафариково евангелие.

² Места расхождения текстов Э. Колвелл называет variation-units, что А. А. Алексеев предлагает перевести словосочетанием «узлы разночтений» [8, с. 88].

г	Мар	Зогр	Остр	Ас	Кох	Ник	Мст	Сав	Врач	Вук	Шф	1/98	1/88	О. б.	Дбш	ИА	Трн	Дбрм
г	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
1	.	80	72	60	53	67	57	69	51	64	61	60	61	60	42	58	61	45
2	80	.	75	73	67	83	66	63	60	67	67	69	67	68	69	60	67	50
3	72	75	.	60	67	59	71	70	69	68	74	71	74	70	61	68	68	53
4	60	73	60	.	71	72	56	52	47	62	51	40	42	41	47	63	69	61
5	53	67	67	71	.	78	62	57	46	68	53	51	53	50	41	62	43	59
6	67	83	59	72	78	.	59	60	60	58	60	50	48	50	58	58	66	60
7	57	66	71	56	62	59	.	56	62	60	62	56	56	56	50	63	60	35
8	69	68	70	52	57	60	56	.	58	60	57	56	55	55	57	51	57	57
9	51	60	69	47	46	60	62	58	.	56	51	54	55	53	55	54	55	45
10	64	67	68	62	68	58	60	60	56	.	67	67	69	70	70	67	62	48
11	61	67	74	51	53	60	62	57	51	67	.	96	97	97	67	70	63	56
12	60	69	71	40	51	50	56	54	54	67	96	.	97	96	71	70	63	49
13	61	67	74	42	53	48	56	55	55	70	97	97	.	96	69	71	61	50
14	60	68	70	41	50	50	56	55	53	70	97	96	96	.	70	70	61	50
15	42	69	61	47	41	58	49	57	55	70	67	71	69	70	.	45	62	39
16	58	60	68	83	82	58	63	51	54	67	70	70	71	70	45	.	59	50
17	61	67	68	39	43	68	60	57	55	62	63	63	61	61	62	59	.	36
18	45	50	56	61	59	60	35	57	45	48	56	49	50	50	39	50	36	.

Примечание. По столбцам и по строкам расположены данные памятников в одном и том же порядке. Цифры показывают количество общих чтений в процентах. Прямые и пунктирные линии обозначают близкие текстовые группы.

4. Ас оказывается текстологически тесно связанным с Зогр и Ник, а также с Кох. Таким образом, среднеболгарский краткий апракос XIII в. — Кох — и сербский тетр Ник сближаются с двумя древнейшими памятниками кирилло-мефодиевского перевода: Ас и Зогр, несмотря на различия их редакций и типов текста.

5. Текст Зогр является связующим звеном между древнейшими старославянскими кодексами Мар, Ас, Остр и Кох, а также Ник, с одной стороны, с другой — явно прослеживается его связь с большинством поздних тетров: Трн, Дбш, Шф, 1/98, 1/88, О. б.

6. Как видно из таблицы, Остр текстологически насквозь пронизывает почти все рассматриваемые памятники — от древнейших старославянских кодексов до Врач, Трн и ИА, а также поздних тетров, удивительным образом обнаруживая значительную близость с такими далекими друг от друга текстами, как Сав, Мст, Вук и Врач. Только два среднеболгарских тетра — Дбрм и Дбш — оказались исключенными из орбиты влияния Остр, восходя, очевидно, к иной группе текстов.

7. Тексты Трн и ИА сближаются друг с другом, одинаково тяготея к Остр.

8. Почти полное текстологическое совпадение обнаружили поздние тетры Шф, 1/98, 1/88, О. б. (96% — 98%), сближаясь с текстами Трн, ИА и Вук.

9. Поскольку наибольшую текстологическую близость к рассматриваемым евангельским текстам обнаружили Ас, Зогр, Остр, вероятно, именно они (или аналогичные им списки) являются протографами большинства евангелий позднего средневековья, в частности, среднеболгарских евангелий.

10. Данные текстологического анализа, проведенного по методу

Э. Колвелла, показывают, что различие редакций не оказывает существенного влияния на текстологические отношения между памятниками, и, следовательно, не они были решающими при формировании текстового типа того или иного евангелия.

Проведенный статистический — количественный — анализ вскрывает характер текстологических отношений между исследуемыми евангелиями. При всей важности выяснения этих отношений необходимо дополнить полученные цифровые данные содержательным анализом, который должен, с одной стороны, согласоваться с результатами, полученными по методу Колвелла, а с другой — подкрепляться итогами исследования евангелия, имеющего двухсотлетнюю историю.

В частности, любопытной и непредсказуемой показалась нам отмеченная выше текстологическая близость Остр к среднеболгарским евангелиям. Если учесть, однако, что текстологическую основу дошедшего до нас русского списка Остр составляет старославянский текст, то такая близость кажется вполне оправданной. Кроме того, Остр составлено в значительной степени на основе тетра. Оно, как известно, содержит не только дополнительные чтения по сравнению с Ас, но и имеет много синтаксических оборотов и лексических вариантов перевода тетра [11].

Итоги текстологического анализа иногда могут полностью повторять результаты чисто лексикологических исследований. Так, Фр. Славский, рассматривая лексику четырех древнейших евангельских текстов, восходящих к кирилло-мефодиевскому переводу: Мар, Зогр, Ас, Сав, замечает, что из общего количества 3300 выражений этих четырех памятников почти половину (1542) образуют выражения, общие для всех текстов [12, с. 207]. При этом, если наиболее близкие тетра — Мар и Зогр — имеют 464 общих лексемы, то подключение к ним Ас не влияет существенно на это число — 448 общих лексем [12, с. 208]. Это свидетельствует в пользу исключительной близости трех древнейших евангельских текстов, что подтвердил и статистический текстологический анализ, проведенный нами по методу Э. Колвелла. Кроме того, подключение к этому анализу среднеболгарских евангелий показало, что большинство из них восходит текстологически к этим древнейшим памятникам кирилло-мефодиевского перевода, несмотря на бытование их в качестве текстов с контролируемой традицией, подвергавшихся неоднократному редактированию и «выравниванию» в соответствии с различными греческими рукописями [5, с. 13—15].

Малоисследованный памятник XIII в. — Кох — при применении статистического метода Колвелла обнаружил большую близость к Ас (71%), Зогр (67%), Остр (67%), полностью продемонстрировав, таким образом, свою зависимость от трех памятников, текстологически близких большинству среднеболгарских евангелий. Заметим, что его близость к тексту Ас, а также к Ник была обнаружена еще ранее исключительно на основе анализа лексических различий [13].

Это, с одной стороны, подтверждает достоверность результатов, полученных по методу Колвелла, с другой — реабилитирует многочисленные текстологические исследования, основанные на изучении только лексической стороны евангельских текстов, несмотря на неоднократно высказываемые критические замечания в адрес такого рода исследований.

Богомилское Ник (сербск. ред.) известно своей архаичностью. В его тексте мы находим, с одной стороны, древнейшие лексемы типа *едро* И 11.31, *въ испрь* И 11.41, строевые элементы (частицы, союзы, порядок слов), совпадающие текстологически с Ас (ср. [14]). С другой стороны, в нем имеются лексические инновации, известные и другим средневеко-

вым евангелиям: *мастию* И 11.2, уникальные варианты: *кириѣми* вм. *пукроими* И 11.44, *соударимъ* вм. *оуброусомъ* И 11.44 — подобно Дбрм о Кох в отличие от всех остальных. В текстах Кох и Ник находим в Мт 6.30 словосочетание *сѣно зеленое* (так и Банишское ев.) в отличие от более распространенного варианта *сѣно сельное*. Наличие таких общих раритетов при большой текстологической близости (78%) может свидетельствовать как о близких протографах для Кох и Ник, тесно связанных, в свою очередь, с Ас и Зогр, так и о сверке обоих евангелий с одним и тем же памятником, близким к Ас и Зогр. Учитывая принадлежность Кох и Ник, соответственно, к болгарскому и сербскому изводам, можно предположить их правку по одному из евангельских текстов, имевшему хождение в южнославянских странах.

На фоне соотношения большинства анализируемых памятников, максимальная близость между текстами которых не превышает 80% — 83% (Мар — Зогр, Зогр — Ник), ярко выделяются показатели 96% — 98%, характеризующие необычно тесную близость текстов евангелий 1/98 и 1/88 между собой и к тексту Шф, к которым примыкает О. б.

Шф, 1/98 и 1/88 — поздние тетры, относящиеся к XIV—XV вв., Шф и 1/98 болгарской, а 1/88 — русской редакции. Четвероевангелия 1/98 и 1/88 хранятся в Отделе редких книг и рукописей Одесской государственной научной библиотеки им. М. Горького, представлены в обзоре М. М. Копыленко и М. В. Рапопорт [15]. Описание Шф дано Г. Поливкой [16]. Текстологически эти три тетра сближает и наличие Предисловий Феофилакта Болгарского, разумеется, с купюрами и некоторыми неизбежными изменениями, не нарушающими, однако, идентичности текста. Как отмечает Г. А. Воскресенский, многие прибавления и отступления от древнейшего текста сделаны в славянских евангелиях по толкованию Феофилакта Болгарского [6, с. 279]. Г. А. Воскресенский подчеркивает большую текстологическую роль толкований Феофилакта Болгарского для евангелий III и IV редакции, замечая: «Как первоначальный славянский перевод Евангелия принесен к нам из южных славянских стран, так с юга же появились в конце XIV и в XV веке исправленные и более однообразные списки Евангелия в его полном виде...» [6, с. 300].

Одним из таких списков и является, без сомнения, рукопись русской редакции 1/88, а ее ранними болгарскими прототипами — Шф и рукопись 1/98, на что однозначно указал статистический анализ по методу Э. Колвелла. Неестественно высокий для евангелий процент текстологической близости (96% — 98%) как нельзя точнее выражает отмечаемую Г. А. Воскресенским о д н о о б р а з н о с т ь списков тетраевангелия. Именно этот тип текста лег в основу печатных изданий, он же представлен в Геннадиевской библии (Синод. — 915) и в известной степени отражен в О. б.

Проведенный нами текстологический анализ показал также, что два памятника — Дбрм и Врач — стоят особняком среди остальных среднеболгарских евангельских текстов. Своеобразие Дбрм и его соотношение с древнейшими старославянскими памятниками подробно описано И. В. Ягичем [17]. Врач, как видно из таблицы, текстологически сближается только с Остр. Близость Врач — Остр частично может быть отнесена за счет общих восточнославянских вкраплений в оба текста. Уместно вспомнить высказывание Б. Цонева о том, что Врач «прошел через русские руки» [18]. Текст Врач — один из среднеболгарских кратких апракосов, который носит на себе следы второй редакции. Известно своеобразие Врач среди всех остальных среднеболгарских евангелий; это же подтвердил и текстологический анализ, выполненный по методу Э. Колвелла.

Рассмотрение ряда текстовых и лексических вариантов Врач убеждает в том, что этот памятник обязан своей уникальностью сверке с какой-либо неканонической греческой рукописью. Так, только, в тексте Врач мы находим вариант *ни рини хлѣба* в Л 9.3, в отличие от *ни пиры. ни хлѣба* Мар Зоґр Ас Остр Ник Сав. В Мст представлен вариант с начальным спира́нтом: *ни спиры. ни хлѣба*, в Вук: *ни мѣшѣца*, в Дбрм и Бан: *ни вѣтѣщица. ни хлѣба*, ИА: *ни пиры*, Трн: *мѣха*, все поздние тетры — *пиры* (как Мар — Зоґр). На славянской почве найти объяснение для выражения *ни рини* не удалось; оставалось предположить его греческое происхождение. Действительно, словарь Лиддела дает для греч. $\rho\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ под номером 4 значение «кожаная перевязь через плечо» [19], что текстуально вполне соответствует стиху Л 9.3, где речь идет о кожанной суме пилигримов (ср. и семантику приведенных разночтений по евангельским текстам). Таким образом, уникальный вариант Врач: *ни рини хлѣба*. . . (с опущенным *ни*), видимо, объясняется обращением к такой версии греческого текста, где в Л 9.3 вм. $\pi\acute{\eta}\rho\alpha$, известного по каноническим греческим текстам, находилась лексема $\rho\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ с аналогичным значением.

Косвенным аргументом, подтверждающим объяснение варианта *ни рини* прямым греческим заимствованием, может служить и употребление в тексте Врач другого грецизма — *дидаскаль* II 11.28, тоже не известного остальным среднеболгарским евангелиям, но широко употребительного в более поздние периоды, в языке дамаскинов.

Сверка Врач с нетрадиционным греческим текстом легко объясняет также большое количество мелких текстологических несовпадений с другими среднеболгарскими евангелиями, описок, ошибок и иных отклонений. Так, только в первых шестнадцати стихах из чтения на Лазареву субботу находим следующие индивидуальные варианты текста Врач: *Марѣи* (1), *гла имъ* вм. *оученикомъ* (7), *искааха тебе иудеи 8бити* — порядок слов (8), вставка союза *и* перед: *не потѣкнетъ са* (9), отсутствие *ѣко* в (13), вставка *оубо* после *тогда* в (14), вставка *ѣко* после *васъ ради* (15), предложно-именная группа *съ оучѣнѣи* (16). Всего в проанализированном материале текста Врач находим 12 индивидуальных разночтений.

Индивидуальные разночтения не учитываются в методике Э. Колвелла при общем подсчете узлов, так как они ничего не говорят об отношениях между рукописями; однако при последующем анализе на содержательном уровне они могут оказаться весьма показательными для характеристики обследуемых памятников. В частности, большое количество индивидуальных чтений Врач прекрасно демонстрирует текстологическое несовпадение с другими среднеболгарскими памятниками. Кроме Врач, обилием индивидуальных чтений отличаются следующие тексты: Дбрм — 15, Трн — 12, Сав — 9; обычно же их насчитывается до пяти: Мст — 5, Кох — 4, Мар и Вук — 3, Шф — 2, в поздних тетрах — 1—2.

Отсутствие индивидуальных чтений, уникализмов, естественно, должно рассматриваться как признак выравнивания, редактирования с целью преднамеренной стабилизации текста, что мы и находим в поздних тетрах, «однообразных», по выражению Г. А. Воскресенского.

Более интересно такое отсутствие или очень малое количество текстологических уникализмов в древнейших старославянских тетрах: в Мар, Зоґр, а также в Ас (в отличие от Сав). Это свидетельствует о том, что именно эти или аналогичные, не дошедшие до нас памятники и послужили текстологической основой для большинства исследуемых евангельских текстов или же этими текстами пользовались при редакторской сверке. Толь-

ко Сав из древнейших старославянских памятников дает до вольно много индивидуальных текстовых и лексических вариантов — 9, что легко объясняется ее частично гомилитической основой.

Наибольшее количество индивидуальных чтений находим в тексте Дбрм (15). Это вполне согласуется с результатами текстологического анализа, проведенного И. Добревым [20], давая, таким образом, количественное подтверждение разнотипности текстологической основы этого памятника. О безразличности текста Дбрм к остальным памятникам свидетельствует низкий процент общих чтений с другими текстами, колеблющийся в пределах от 35 до 60. Текстологическая неоднородность Дбрм отмечена И. Добревым [20] и А. А. Алексеевым [21].

Кроме собственно индивидуальных чтений, на наш взгляд, показательным является наличие общих текстовых вариантов, объединяющих два — три памятника на фоне различных вариантов во всех остальных. Так, текст Дбрм по своим «индивидуально-групповым» разночтениям совпадает то с архаичным текстом Ник, то с Врач, то с Кох, то с Вук: *видѣвъше* же (марѣ И 11.31 (Дбрм Врач), *паде на позоу его* И 11.32 (Дбрм Вук), *видиши* вм. *оузриши*) И 11.40, *соударимъ* вм. *оуброусомъ* И 11.44 (Дбрм Ник Кох).

В тексте обследуемых стихов И 11.1—45 мы встретили одно слитное чтение — в Трн: *горѣ въ испрь* И 11.41 при *въ испрь* Ас Мар Зогр Ник, (на *нѣо* Вук) и *горѣ* Сав Остр Мст Дбрм Дбш Кох ИА Шф 1/98 1/88. Это является одним из признаков смешанного текста [8, с. 85], что, в частности, неоднократно отмечалось исследователями именно в отношении Трн [17, с. 21].

Следует отметить также, что повторному редактированию мы часто обязаны появлением уникальных текстовых и лексических вариантов. Так, наряду с распространенными вариантами II редакции: *етерь* — *нѣкто* (*нѣкий*), *муро* — *масть* и мн. др. в определенных чтениях, мы находим единичные случайные варианты: *въ жишовскоую* Мст И 11.7 вместо *въ иудею* всех остальных памятников (Трн: *въ Иудейскѣ*); *вскоре* Дбрм И 11.29, *скоро* Ас Зогр, *ыдро(едро)* Мар Ник, *бръзо* Трн; *црь жишовскъ* Вук Л 23.37 вместо *црь* всех остальных; *мѣсто лобное* Л 23.33 вместо обычного: *крани-ево* в русском четвероевангелии 1/88 (как и мн. др. русские тексты); *цвѣтъ* Трн Мт 6.28, Вук: *цвѣтъць*, Кох: *кринь* с припиской на полях: *цвѣтъць* на месте первоначального варианта *кринь*. Поэтому привлечение к рассмотрению индивидуальных чтений может оказаться особенно важным при решении вопроса о редакции.

Рассмотрение этого фрагмента переводческого наследия славянского евангелия методом, предложенным Э. Колвеллом, привело к следующим выводам.

1. Статистико-текстологический метод Колвелла, построенный на строгом учете количества о б щ и х чтений различных текстов, позволяет выделить естественные текстологические группы среди многочисленных списков памятников, различных по типу и редакциям, что исключительно важно для восстановления истории славянского перевода евангельского текста.

2. Этот метод, однозначно определяя текстологический каркас памятника, помогает при исследовании языка каждого конкретного текста отделить чуждые ему, внешние напластования, проникшие за долгую историю его бытования в результате сверки с различными греческими и славянскими рукописями, редактирования и возможного постредактирования, естественной порчи текста и т. д., устанавливая, таким образом, арсенал

присущих именно ему специфических языковых средств, которые затем легко поддаются системному изучению.

3. Поскольку применение метода Колвелла дает возможность выявить основные текстологические группы Евангелия и их соотношение с остальными текстами, можно предположительно назвать памятники, в которых с большей вероятностью следует искать характерные черты кирилло-мефодиевского архетипа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Недель Ковий О.* Редакције старословенског јеванђеља и старословенска синонимика // Кирил Солунски: Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. Кн. 2. Скопје, 1970. С. 269—279.
2. *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. М., 1977.
3. *Вережагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Кн. 1. М., 1971; Кн. 2. М., 1972.
4. *Жуковская Л. П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
5. *Алексеев А. А.* Греческий лекционарий и славянский апракос // *Litterae slavicae medii aevi*. München, 1985. S. 12.
6. *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка. М., 1896.
7. *Сперанский М. И.* Рецензия на труды Г. А. Воскресенского (Отчет о тридцать девятом присуждении наград гр. Уварова) // Зап. Им. АН 1899. Т. III. № 5.
8. *Алексеев А. А.* Проект текстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия // Советское славяноведение. 1985. № 1.
9. *Colwell E. C.* Studies in methodology in textual criticism of the New Testament. Leiden, 1969.
10. *Horálek K.* Evangeliaře a četverojevangelia. Praha, 1954.
11. *Nedeljković O.* Vukano vo jevandlje i problem punog aprakosa. Zagreb, 1969. S. 46.
12. *Stawski Fr.* Uwagi o słownictwie Księgi Sawy // *Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr Spławieński*. Warszawa, 1963.
13. *Косек П. В.* Мястото на Кохновото евангелие сред другите евангелски текстове // *Език и литература*, 1983. Кн. 3. С. 21—27.
14. *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. 2-te Ausg. Berlin, 1913.
15. *Копыленко М. М., Рапопорт М. В.* Славяно-русские рукописи Одесской государственной научной библиотеки имени А. М. Горького // ТОДРЛ. 1960. XVI.
16. *Policka Gj.* Bugarsko četverojevangjelje u biblioteci českog muzeja u Pragu // *Starine*. Кн. XIX. Zagreb, 1887.
17. *Jagić V.* Evangelium Dobromiri. II. Lexicalisch-kritischer Theil. Wien, 1898.
18. *Цонев Б.* Врачанско Евангелие // Български старини. Кн. IV. София. 1914. С. 2.
19. *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. T. 1—II. Oxford, 1940. P. 1571.
20. *Добрев Н.* Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските служебни книги // Български език. 1979. № 1.
21. *Алексеев А. А.* Опыт текстологического анализа славянского Евангелия (по спискам из библиотек Болгарии) // *Palaeobulgarica*. 1986. № 3.